

Религиоведение. 2020. № 2. С. 127–134.
Religiovedenie [Study of Religion], 2020. No. 2. P. 127–134.

DOI: 10.22250/2072-8662.2020.2.127-134

Шепс А.В.

*Санкт-Петербургский государственный университет
99034, Россия, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5
Nastuak_95@mail.ru*

Церковная реформа Яна Гуса как исследовательская проблема

Аннотация. Статья посвящена анализу отечественных научных трудов, рассматривающих вероятную связь между учениями чешского и английского проповедников Яна Гуса и Джона Уиклифа. Автор приходит к нескольким выводам: идеи, высказываемые исследователями, могли зависеть как от их религиозной принадлежности, так и от внешних факторов, влиявших на оценку изучаемой проблемы; также обращено внимание на то, что роли, которые исследователи отводили Гусу, Уиклифу и их последователям, находятся в зависимости от поставленной цели исследования. Отмечается разница в отношении к дальнейшей судьбе учений Гуса и Уиклифа и их интерпретация в исторической литературе.

Ключевые слова: Гус, Уиклиф, историография, религия, чешская Реформация

Anastasia V. Sheps

*St. Petersburg State University
5 Mendeleevskaya linya, St. Petersburg, Russia, 199034
Nastuak_95@mail.ru*

Church Reform of Jan Hus as a Research Topic

Abstract. The article presents a historiographical review of works examining the possible link between the teachings of Czech and English preachers Jan Hus and John Wycliffe. The author comes to the following conclusions: 1) the influence of external factors on the assessment of the problem studied; 2) the importance of the religious affiliation of researchers; 3) the roles that the researchers assigned to Hus, Wycliffe and their followers in their work, depending on the purpose of the study; 4) the difference in attitude to the future of the teachings of Hus and Wycliffe and their interpretation in historical literature.

Key words: Hus, Wycliffe, historiography, religion, Czech Reformation

Современные российские исследователи религии рассматривают наследие Яна Гуса (ок. 1369–1415) прежде всего в общем контексте истории секуляризационных процессов в Европе. Так, Е.С. Элбакян в своей статье в журнале «Религиоведение», давая оценку феномену секуляризации, пишет, что «все реформационные движения в Европе в XVI в. носили секуляризационный характер. Требования секуляризации выдвигали Д. Уиклиф, Я. Гус, М. Лютер» [Элбакян, 2013, 153].

Однако интерес к деятельности чешского религиозного реформатора возник у российских исследователей значительно раньше – во второй половине XIX века. Он был связан с распространением идеи об общем историческом и культурном единстве славянских народов, подъёмом национального движения в Чехии и Словакии, входивших в состав Австро-Венгерской империи, как определённая реакция представителей так называемого «Славянского возрождения» на рост пангерманизма. В России в середине 1850-х годов в период Крымской войны в среде славянофилов (К.С. Аксаков, А.С. Хомяков и др.) сформировалось представление о том, что романо-германский, связанный с католичеством, и греко-славянский, связанный

с православием, миры не просто отличаются, но и противостоят друг другу. Важно было не только продемонстрировать близость братских славянских народов, но и подчеркнуть разницу между славянами и немцами, олицетворяющими европейский католический Запад. Культурные особенности, сближающие чешский народ (олицетворением которого и стал Гус) с русским, стали очень привлекательными для исследователей. С 1871 г. по 1915 г. – год 500-летия со дня смерти Яна Гуса – в России было опубликовано более 10 книг о нём, а в 1915 г. в Москве и Санкт-Петербурге состоялись торжественные чтения памяти Гуса, который воспринимался как лидер освободительного движения славян, противостоящий папской власти [Шахнович, 2018, 74].

Необходимо отметить, что в отечественной дореволюционной историографии сложилось несколько взглядов на учение Гуса и его истоки. К первой группе принадлежали исследователи, считающие, что влияние, которое Уиклиф оказал на Гуса, было значительным (к данной группе принадлежали В.А. Елагин, Ю.С. Анненков, С.А. Венгеров, А. Вознесенский, И.С. Пальмов, М.М. Филиппов и другие). Ко второй группе относились те, кто считал идеи Гуса самостоятельными и не зависящими от Уиклифа (к ним относились В.А. Бильбасов, Н.В. Ястребов, А.Н. Норцов, И.И. Квачала). Важную роль в формировании того или иного взгляда играли как политическая, так и религиозная позиция каждого из учёных.

Опираясь на представление не только об исторической, но и религиозно-культурной близости славянских народов, многие историки попытались рассмотреть реформы Гуса как стремление чехов к православию, которое принесли на земли Чехии и Моравии в IX веке Кирилл и Мефодий, прибывшие туда после обращения Моравского князя Ростислава к Византийскому императору Михаилу. Так, историк, публицист и славянофил В.А. Елагин, опираясь на труды Ф. Палацкого, попытался доказать, что Гус стремился к возвращению чехов в лоно православия, а не к реформе католицизма, исходя из идеалов апостольской церкви (на что, по мнению историка, указывает причащение под обоими видами, практиковавшееся впоследствии у гуситов) [Елагин, 1848, 44]. Историк, учёный-славист и педагог Ю.С. Анненков исследовал содержание религиозного учения Гуса и его последователей. Анненков написал специальную работу, посвящённую Петру Хельчицкому, действовавшему уже в период завершения гуситских войн [Анненков, 1878, 27].

Историк и публицист С.А. Венгеров определял идеи Гуса как самостоятельное учение. Он писал, что нравственное учение Гуса отличалось от догматического учения английского богослова Дж. Уиклифа. Это противопоставление отражало основную идею Венгерова о том, что славяне в историческом процессе были носителями духовных истин, тогда как «немцы», к которым он причислял и Уиклифа, являлись носителями и поборниками сухого и бездуховного академического знания. По его мнению, Гус делал акцент на моральное несоответствие жизни католического духовенства с идеалом, описанным в Евангелиях, так как не имел достаточной подготовки для опровержения папских притязаний с помощью Библии, тогда как Уиклиф критиковал папство и догматику католической церкви, опираясь на Писание и богословские трактаты [Венгеров, 1881, 186-187]. Основой Реформации, осуществляемой Гусом, должно было стать не исправление догм, а нравственное совершенствование паствы и священнослужителей, что с точки зрения Венгерова доказывало важность не только и не столько академического образования, сколько стремления к чистоте духовной жизни.

Вклад в изучение гуситского наследия внёс А. Вознесенский, который перевёл сохранившиеся послания и письма Гуса. В предисловии к публикуемым материалам автор приводит краткую биографию чешского реформиста, где упоминает о том, что Гус выступал в защиту сочинений Уиклифа, однако, о влиянии, которое английский богослов оказал на чешского проповедника, Вознесенский не упоминает [Вознесенский, 1903, 12].

Историк и либеральный публицист В. А. Бильбасов в своей работе отмечал влияние, которое работы Уиклифа оказали на программу реформ чешского проповедника. Исследователь указывает, что спор между реформистами и католиками уходил корнями в философскую проблему номинализма и реализма: как и Уиклиф,

Гус (а вместе с ним и его последователи), принадлежали к последнему, тогда как многие из немцев, обучающихся в пражском университете, были сторонниками номинализма [Бильбасов, 1869, 39].

В начале XX века специалист по истории славянских народов Н.В. Ястребов перенёс основное внимание с личности Гуса на его последователей. Историк отмечает роль, которую играли в формировании идей гуситов как чешские проповедники из числа католического духовенства, так и представители еретических учений из числа осевших в Богемии вальденсов, которые, по мнению Ястребова, сыграли куда большую роль в становлении учения чешского проповедника, чем Уиклиф [Ястребов, 1908, 6–13]. Среди особенностей, перенятых Гусом у вальденсов, Ястребов называл предпочтение, которое чешский реформист отдавал устной проповеди, ряд социальных и экономических требований, выдвигаемых к католической церкви, а также обратил внимание на дальнейшее развитие гуситского движения и сходство организации общины таборитов с общинами вальденсов.

В разгар Первой Мировой войны прокатилась новая волна интереса к истории гуситского движения. С докладом, посвящённым истории чешской Реформации, выступил историк и председатель Тамбовской учёной архивной комиссии А.Н. Норцов. Им были сделаны акценты на борьбу славян и немцев (политическую и религиозную) и на борьбу всей Европы с «немецким игом». Он перечислил религиозные, национальные и политические причины, которые подготовили почву для реформ Гуса.

Согласно мнению Норцова, Уиклиф сыграл важную роль в судьбе Яна Гуса (в качестве примера автор приводит университетских диспут 1399 года, на котором Гус защищал не свои идеи, а идеи английского богослова, называя себя его учеником) [Норцов, 1916, 12–18]. Норцов указывал, что, Гус развил учение Уиклифа, превратил его в национальное чешское учение, которое приблизило его к единению с православной церковью. Норцов подчёркивал, что гуситское вероисповедание носило «греко-славянский характер».

Схожую речь произнёс на собрании Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви известный славист, профессор Петербургской Духовной академии, специалист по истории и современному ему состоянию православной веры в славянских странах И.С. Пальмов. Гус, по его мнению, стремился к возвращению к апостольским временам, что сближало его с учением православной церкви [Пальмов, 1915, 15–17]. Идеи Уиклифа не были заимствованы Гусом, развившим собственное учение, но так как они были схожи, чешский проповедник встал на их защиту, за что подвергся гонениям со стороны католиков.

В работе отечественного историка, прозаика, славянофила, российского посла в Турции, Австро-Венгрии и Греции, члена Государственного совета Е.П. Новикова сравнивается славянский идеализм и немецкий материализм. Согласно его взглядам, Гус, чья праведность жизни сопоставима с праведностью русских пустынножителей, стремился к возвращению чешского народа в православную веру. Изначально его критика была направлена на жизнь мирян, и лишь после знакомства с идеями Уиклифа Гус перешёл к богословским спорам с официальной католической церковью [Новиков, 1859, 6–9].

Рассматривая историю Петра Хельчицкого (ок. 1390 – ок. 1460), одного из наиболее выдающихся последователей Яна Гуса, автор попытался найти ответ на вопрос: был ли Хельчицкий продолжателем идей Гуса или его взгляды сформировали новое течение в рамках гуситской идеологии? Исследователь пришёл к мнению, что Хельчицкий, являясь приверженцем и последователем Гуса, разочаровался в гуситском движении, которое перестало отвечать первоначальному требованию – вернуться к апостольской чистоте христианской жизни. Это вынудило его создать собственное учение, переросшее в движение Чешских Братьев. Данный вывод ещё раз подчёркивает стремление отечественных исследователей сделать религиозную сферу тем фундаментом, на котором два славянских народа воссоединяются для борьбы с иноземными захватчиками.

Вклад в исследование данной проблемы внёс публицист, философ и популяризатор науки М. М. Филиппов, видевший в личности Гуса национального героя

и настаивавший на том, что учение Уиклифа не являлось вдохновением для Гуса, разработавшего собственную программу церковной Реформации [Филиппов, 1891, 15–23].

Богослов и историк И. И. Квачала [Weber, 2019] определял роль Гуса как первого славянского национального и религиозного лидера, бросившего вызов немецкому бюргерству, ущемляющему коренное население. Квачала, несмотря на убеждения в самостоятельности идей чешского реформиста, отмечает важную роль Гуса в сохранении наследия Уиклифа [Квачала, 1915, 2–6].

Интересным исключением являются исследования выдающегося слависта профессора сначала Варшавского, а затем Пражского университетов В.А. Францева. Начиная со своей магистерской диссертации, он исследовал культурное взаимодействие славянских народов. В его трудах освещалась история гуситского движения, но при этом происхождение идеи религиозной реформации, предложенной Гусом, не рассматривается вообще [Францев, 1902, 2–14]. Вероятно, нежелание учёного затрагивать проблемы религии связано с его происхождением и воспитанием (мать Францева была полькой, исповедовавшей католицизм, а отец и он сам были православными). Францев учился и в первые годы своей научной карьеры преподавал в Варшавском университете, где прокатолические настроения были достаточно сильны [Лаптева, 1999, 100], при том, что государственной религией империи было православие. Все эти обстоятельства способствовали тому, что Францев уклонился от обсуждения этого вопроса.

Отдельный пласт историографии гуситского движения представляют собой исследования, выполненные в советский период. Они политизировали гуситское движение, рассматривая его в контексте национально-освободительных общественных движений социальных низов, и опирались на марксистскую социологическую теорию, что совершенно иначе рассматривало гуситское движение и его вдохновителей. Ф. Энгельс в своей работе «Христианская война в Германии» заложил тот фундамент, на котором выстраивалось отношение к Гусу как к революционному деятелю, выступившему против социального неравенства, идейной опорой которого была католическая церковь. Хотя некоторое время советские историки, отказывались признавать революционный характер гуситского движения, так как вели счёт буржуазным революциям, начиная с нидерландской [Кагарлицкий, 2010, 127]. Требования «дешёвой церкви», упразднения привилегированного сословия священников, уравнивания всех верующих вне зависимости от их социального статуса были основными пунктами программы реформистов. Само гуситское движение, наравне с другими религиозными движениями (альбигойцев на юге Франции, уиклифистов в Англии) рассматривалось Энгельсом как революционные, направленные против церковного феодализма [Энгельс, 1956, 35].

Советским историком, начавшим изучение гуситского учения с новых позиций, стал В.И. Пичета. По его мнению, на идеи Гуса повлияли чешские проповедники и учение Уиклифа, которые стали фундаментом для чешского национального движения. Пичета заметил, что решающим моментом стала критика Гусом церковных догм. Пока проповедник обличал нравы духовенства, церковь не могла обвинить его в ереси, Гус выглядел поборником возвращения к чистоте апостольских времён [Пичета, 72–74]. Когда он выступил с критикой основных положений католицизма (бросив вызов церкви как социальному институту), он сам в глазах официальной церкви объявил себя еретиком.

Специализирующаяся на истории Богемии Л.П. Лаптева отмечала, что гуситское движение носило революционный характер, так как было вызвано политической и социальной нестабильностью, царившей в Богемии. Конфликты светской и духовной власти, конкуренция в ремесленном и торговом деле, тормозившее развитие экономики крепостное право были основными причинами недовольства гуситов. Личность Гуса, по мнению исследовательницы, уникальна тем, что он стал первым, кто объединил требования, предъявленные церкви, и дал чешскому обществу программу, отвечавшую его культурным, религиозным, экономическим и национальным требованиям [Лаптева, 1993, 72–76]. Уиклифа Лаптева считает идеологическим наставником Гуса: чешский проповедник примкнул к чешским последователям Уиклифа.

Другим советским историком, по-новому взглянувшим на историю гуситского движения, был академик С.Д. Сказкин. Согласно его мнению, Гус ставил перед собой две задачи: церковную реформу и возрождение чешской культуры [Сказкин, 1977, 288]. Историк подчёркивал, что для национального движения Гус сделал больше, чем для церковной реформы, так как после его смерти гуситское движение исчерпало себя как религиозное, превратившись в классовую и национальную борьбу.

Биографии Гуса посвятил свой труд советский историк-гуситолог Б.Т. Рубцов. Он подчеркнул уникальность гуситского движения, участие в котором на стороне реформистов приняли не только чехи, но и сочувствующие им немцы, поляки и русские, что делало гуситское движение социальным, а не национальным феноменом. Целью гуситов, по мнению Рубцова, было освобождение народа не только от власти католической церкви, но и от налогового гнёта, коим были обложены чешские крестьяне [Рубцов, 1958, 30–32]. Участие в еретических движениях рассматривалось историком как форма не религиозного, а социального протеста чешской бедноты.

Рубцов не отрицал влияния, оказанного на Гуса английским богословом, но делал акцент на переосмыслении учения Уиклифа и его преподавании студентам с позиций, отвечающих запросам чешского народа, а именно доступной и близкой к народу церкви. Историк подчёркивал, что Гус взял за основу учение Уиклифа ещё и потому, что чешские проповедники были широко известны в Богемии, что привело к запрету их трудов. Уиклиф же, чьи труды вводили в замешательство церковь, долгое время не подвергался официальному гонению на территории Богемии и его идеи свободно распространялись в среде гуситов.

Историей гуситского движения занимался также советский историк-славист, специалист по средневековой истории Чехии А.И. Озолин. Истоки гуситского движения автор выводит из противоборства высшего и низшего духовенства: религиозная сфера становится ещё одной нишей, где разворачивается политическая и экономическая борьба. Среди требований Гуса автор выделял требования о светском единовластии и о лишении церкви политических прав. Гуситы (большинство из них были чехами) и светская власть противопоставлялись автором католической церкви и немецким гражданам Богемии [Озолин, 1962, 57–81]. В итоге разрозненные идеи множества проповедников (в том числе, Уиклифа) были обобщены Гусом в программу церковных реформ, которая, в свою очередь, подразумевала множество экономических и социальных перемен для чешского народа.

Работы Сказкина, Озолина и Рубцова можно выделить в отдельную группу, так как именно на них оказали влияние чешские исторические труды, в которых гуситское движение рассматривается как полноценная революция, а не национальные выступления чешской бедноты против немецких князей.

В постсоветскую эпоху исследования, посвящённые реформам Гуса и о возможном влиянии на него Уиклифа, продолжились. Было необходимо выработать новые подходы к поставленной проблеме, заполнить локусы, оставленные без внимания в существующих исследованиях. Комплексный подход, позволяющий объединить накопленные сведения и выводы учёных, стал основным в исторических исследованиях.

Большое значение в изучении вопроса о влиянии идей Уиклифа на Гуса имеет работа доктора исторических наук, профессора Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского А.Н. Галямичева. Учёный делает акцент на тесных связях между уиклифистами и гуситами. В частности, он рассматривает биографию английского гусита, политика и дипломата Петра Пейна, сыгравшего важную роль в гуситских войнах, сумевшего доказать тесную связь между гуситами и уиклифистами гуситскому радикалу Яну из Пршимбрама, настаивающему на уникальности чешского учения и видевшего в учении Уиклифа угрозу для национальных идей гуситского движения [Галямичев, 2009, 7–9].

Можно сказать, что сформировавшиеся в отечественной историографии взгляды на проблему гуситов, причины и последствия гуситского движения, возможного влияния Уиклифа на идеи Гуса являются частью общей историографической традиции по данной проблематике. В подтверждение этого важно осветить

основные направления исследований в чешской исторической науке и поставленные вопросы о характере реформ Гуса и его идей того времени.

Долгое время в чешских историографических работах на первый план выходила позиция, утверждавшая, что Гус лишь удачно вписал идеи английского коллеги в собственную концепцию церковных преобразований. Однако анализ проповеднической деятельности, политической ситуации в странах, где осуществлялась деятельность реформаторов, позволяет сделать выводы о разнице учений. В зависимости от эпохи, политической ситуации и культурных особенностей проблема возможного влияния учения английского реформатора на чешского проповедника трактовалась по-разному.

Можно выделить факторы, повлиявшие на выводы исследователей. Прежде всего, следует обратить внимание на роль исторического контекста и политической ситуации.

Богемия долгое время находилась под властью католических монархов, преимущественно немецких династий. Поэтому на рассмотрение проблемы влияния Уиклифа и Гуса и выявление характера религиозной реформации влияло отношение к действующей власти, а также их религиозная и национальная самоидентификация.

Особое место в этом вопросе занимает XIX век, когда формируются национальные государства, когда возникает в разных странах научное изучение национальных языков, национальных культурных и религиозных традиций. Европейцы, воспринимавшие себя представителями определённой религии и сословия, начинают позиционировать себя как часть определённого народа или государства [Шахнович, 2001, 4–5]. Данный процесс сказался на отношении к проблеме гуситов: возможные связи в учении чешского проповедника и английского теолога, противопоставление чешской национальной идентичности всему немецкому.

В заключении можно сделать вывод о неоднородности исследовательского поля в вопросе изучения проблемы гуситского движения и возможном влиянии на него со стороны учения Уиклифа. Отечественными историками был выделен ряд отличительных черт, позволивших расширить научное понимание процессов Реформации, проходившей на территории Богемии, а также обозначить сходства и возможные прямые связи с восточным христианством. При этом необходимо учитывать политический и культурный контексты, конфессиональные или иные идейные предпочтения авторов, место и время написания трудов. Если в дореволюционное время Гус предстал в облике национального и религиозного лидера, то в советской историографии его роль была обозначена, прежде всего, как политического вождя социальных низов, а последовавшие за казнью Гуса гуситские войны были названы первым крестьянским революционным восстанием против буржуазии [Бучанов, 2010, 20].

Религия, принадлежность к той или иной культурной и национальной среде, внешняя и внутренняя политика, идеи национальной и государственной независимости, многократная смена идеологического строя – всё это повлияло на восприятие и анализ событий XIV–XV веков, которые оставались и остаются актуальными для учёных, политиков и простых людей в течение нескольких веков.

Библиографический список

1. Бильбасов, В.А. Чех Ян Гус из Гусинца. Письма Яна Гуса, выбранные Мартином Лютером / В.А. Бильбасов. – СПб.: Печатня В. Головина, 1869. – 97 с.
2. Бучанов, И.И. Гуситское движение: отечественная историография: 1945–2005: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / И.И. Бучанов; РГГУ. – М., 2010. – 202 с.
3. Венгеров, С.А. Провозвестники гуситского движения / С.А. Венгеров // Русская мысль, 1881. – Кн. XII. – С. 1–21.
4. Вознесенский, А. Послания магистра Иоанна Гуса, сожжённого римской курией в Констанце 6 июля 1415 г. / А. Вознесенский. – М., 1903. – 368 с.
5. Галямичев, А.Н. Английский гусит Пётр Пейн / А.Н. Галямичев // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2009. – № 1. – С. 34–37.

6. Елагин, В.А. Об «Истории Чехии» Франца Палацкого / В.А. Елагин // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1848. – № 7. – С. 1–44.
7. Кагарлицкий, Б.Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации / Б.Ю. Кагарлицкий. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 680 с.
8. Квачала, И.И. Первые философские занятия Яна Гуса и новое критическое издание сочинений Виклифа (Wiclif-Society) / И.И. Квачала. – Петроград: Тип. Имп. Акад. наук, 1915. – 13 с.
9. Лаптева, Л.П. История Чехии периода феодализма (V – сер. XVII вв.): Учебное пособие / Л.П. Лаптева. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 159 с.
10. Лаптева, Л.П. В. А. Францев как исследователь творчества Йозефа Добровского / Л.П. Лаптева // Славянский альманах. – 1999. – № 1998. – С. 98–116.
11. Новиков, Е.П. Гус и Лютер: монография / Е.П. Новиков. – М.: Типография Александра Семена, 1859. – 933 с.
12. Норцов, А.Н. Славянин Гус, немец Лютер и последствия реформации: докл. пред. Тамб. учён. арх. комис. А. Н. Норцова, 1916 г. / А.Н. Норцов // Изв. Тамб. учён. арх. комис. – Тамбов, 1918. – С. 1–104.
13. Озолин, А.И. Из истории гуситского революционного движения / А.И. Озолин. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1962. – 307 с.
14. Пальмов, И.С. Гуситское движение. Вопрос о чаше в гуситском движении / И.С. Пальмов. – СПб.: Тип. Ф.Г. Елеонского и К^о, 1881. – 192 с.
15. Пичета, В.И. История Чехии / В.И. Пичета. – М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1947. – 260 с.
16. Рубцов, Б.Т. Ян Гус / Б.Т. Рубцов. – М.: Госполитиздат, 1958. – 72 с.
17. Сказкин, С.Д. История Средних веков: в 2 т. – М.: Высшая школа, 1977. – Т.1. – 298 с.
18. Филиппов, М.М. Ян Гус. Его жизнь и реформаторская деятельность / М.М. Филиппов. – СПб., 1902. – 85 с.
19. Францев, В.А. Главнейшие моменты в развитии чешского славяноведения / В.А. Францев // Вступ. лекция, чит. 8 нояб. 1900 г. в Имп. Варш. ун-те. – Варшава, 1901. – С. 1–45.
20. Шахнович, М.М. Изучение истории западного христианства в России в XIX – начале XX века / М.М. Шахнович // История религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX века. Архивные материалы и исследования / отв. ред. М.М. Шахнович, Е.А. Терюкова. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. – С. 71–78.
21. Шахнович, М.М. Феноменологическое религиоведение: между теологией и «наукой о религии» / М.М. Шахнович // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, социология, политология, психология, право. – 2001. – № 4. – С. 4–12.
22. Элбакян, Е.С. Глобализация в эпоху религии, религия в эпоху глобализации / Е.С. Элбакян // Религиоведение. – 2013. – № 3. – С. 149–163.
23. Энгельс, Ф. Крестьянская война в Германии. Сочинения в 7 т. / Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1956. – Т. 7. – 702 с.
24. Ястребов, Н.В. Этюды о Петре Хельшицком и его времени. Вып. 1: (из истории гуситской мысли). СПб.: Тип. М-ва путей сообщения (Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о), 1908. – 258 с.
25. Weber D. Reformation studies in Russian Empire at the beginning of 20th Century. The case of Iwan Cvačala / D. Weber // *Religijski-filozofski raksti*. – 2019. – XXVII.

Текст поступил в редакцию 12.01.2020.

Принят к публикации 23.03.2020.

Опубликован 30.06.2020.

References

1. Bil'basov V.A. *Chekh Jan Gus iz Gusintsy. Pis'ma Jana Gusa, vybrannye Martinom Lyuterom* [Czech Jan Hus from Gusinets. Jan Hus Letters Selected by Martin Luther]. St. Petersburg: Pechatnaya V. Golovina, Vladimirskaya, no. 15, 1869, 97 p. (in Russian).
2. Buchanov I.I. *Gusitskoe dvizhenie: otechestvennaya istoriografiya: 1945–2005. Diss. kand. ist. nauk* [Hussite movement: Russian historiography: 1945–2005. PhD in Historical Science]. Moscow: RGGU Publ., 2010, 202 p. (in Russian).
3. Elagin V.A. *Chiteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh* [Readings in the Society of History and Russian Antiquities]. 1848, no. 7, pp. 1–44 (in Russian).
4. Elbakyan E.S. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2013, no. 3, pp. 149–163 (in Russian).
5. Engel's F. *Krest'yanskaya vojna v Germanii* [The Peasant War in Germany]. Moscow: Politizdat, 1956, 702 p. (in Russian).
6. Filippov M.M. *Jan Gus. Ego zhizn' i reformatorskaya deyatelnost'* [Jan Hus. His life and reform activity]. St. Petersburg, 1902, 85 p. (in Russian).

7. Frantsev V.A. *Glavneyshe momenty v razviti cheshskogo slavyanovedeniya* [The most important moments in the development of Czech Slavic studies]. Varshava, 1901, pp. 1–45 (in Russian).
8. Galyamichev A.N. *Angliyskiy gusit Petr Peyn* [English Hussite Peter Payne]. Saratov: Izv. Sarat. un-ta Publ., 2009, no. 1, pp. 34–37 (in Russian).
9. Kagarlitskiy B.Yu. *Ot imperiy – k imperializmu. Gosudarstvo i vozniknovenie burzhuznoy tsivilizatsii* [From empires to imperialism. The state and the emergence of bourgeois civilization]. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta Publ., 2010, 680 p. (in Russian).
10. Kvachala I.I. *Pervye filosofskie zanyatiya Yana Gusa i novoe kriticheskoe izdanie sochineniy Vikliifa (Wyclif-Society)* [The first philosophical studies of Jan Hus and the new critical edition of the works of Wycliffe (Wycliffe-Society)]. Petrograd: Tip. Imp. Akad. nauk, 1915, 13 p. (in Russian).
11. Lapteva L.P. *Istoriya Chekhii perioda feodalizma (V – ser.XVII vv.): Uchebnoe posobie* [Czech History of the Feudalism Period (the 5th – mid.- 17th centuries)]. Moscow: MGU Publ., 1993, 159 p. (in Russian).
12. Lapteva L.P. *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic almanac]. 1999, no. 1998, pp. 98–116 (in Russian).
13. Nortsov A.N. *Slavyanin Gus, nemets Lyuter i posledstviya reformatsii: dokl. pred. TAMB. uchen.arkh. komis. A. N. Nortsova, 1916 g.* [Slav Hus, German Luther and the consequences of the reformation: dokl. before TAMB. learned arch. comis. A.N. Nortsova, 1916]. Tambov, 1918, pp. 1–104 (in Russian).
14. Novikov E.P. *Gus i Lyuter: monografiya* [Hus and Luther: monograph]. Moscow: Tipografiya Aleksandra Semena, 1859, 933 p. (in Russian).
15. Ozolin A.I. *Iz istorii gusitskogo revolyutsionnogo dvizheniya* [From the history of the Hussite revolution movement]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1962, 307 p. (in Russian).
16. Pal'mov I.S. *Gusitskoe dvizhenie. Vopros o chashe v gusitskom dvizhenii* [Hussite movement. The Question of the Chalice in the Hussite Movement]. St. Petersburg: tip. F.G. Eleonskogo i K^o, 1881, 192 p. (in Russian).
17. Picheta V.I. *Istoriya Chekhii* [History of the Czech]. Moscow: OGIZ, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1947, 260 p. (in Russian).
18. Rubtsov B.T. *Jan Gus* [Jan Hus]. Moscow: Gospolitizdat, 1958, 72 p. (in Russian).
19. Shakhnovich M.M. *Izuchenie istorii zapadnogo khristianstva v Rossii v XIX – nachale XX veka* [Studying the history of Western Christianity in Russia in the 19th – early 20th centuries]. St. Petersburg: S.-Peterb. University Publ., 2018, pp. 71–78 (in Russian).
20. Shakhnovich M.M. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya, sociologiya, politologiya, psihologiya, pravo* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6. Philosophy, Sociology, Politology, Psychology, Law]. 2001, no. 4, pp. 4–12 (in Russian).
21. Skazkin S.D. *Istoriya Srednikh vekov (v dvukh tomakh)* [History of the Middle Ages (in two volumes)]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1977, 298 p. (in Russian).
22. Vengerov S.A. *Provozvestniki gusitskogo dvizheniya* [Harbingers of the Hussite Movement]. 1881, pp. 1–21 (in Russian).
23. Voznesenskiy A. *Poslaniya magistra Ioanna Gusa, sozhzhennogo rimskoy kuriey v Konstantse 6 iyulya 1415 g.* [The Epistles of the Master John Hus, burnt by the Roman Curia in Constance July 6, 1415]. Moscow, 1903, 368 p. (in Russian).
24. Weber D. *Reformation studies in Russian Empire at the beginning of 20th Century. The case of Iwan Cvačala. Religijski-filozofski raksti. XXVII, 2019.*
25. Yastrebov N.V. *Etyudy o Petre Khel'chitskom i ego vremeni. Vyp. 1: (iz istorii gusitskoy mysli)* [Studies on Peter Khelchitsky and his time. Vol. 1: (from the history of Hussite thought)]. St. Petersburg: Tip. M-va putey soobshcheniya (T-va I. N. Kushnerev i K^o), 1908, 258 p. (in Russian).

Submitted for publication: January 12, 2020.

Accepted for publication: March 23, 2020.

Published: June 30, 2020.